

СМЕРТЬ И ТЕНЬ

МАРА И МОРОК

МАРА И МОРОК.
ОСОБЕННАЯ ТЕНЬ

МАРА И МОРОК.
500 ЛЕТ НАЗАД

ЛИЯ АРДЕН

МАРА
И
МОРОК

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А79

Дизайн обложки *Екатерины Тинмей*

Иллюстрация на переплёте *Дарьи Бобровой*

Арден, Лия.
А79 Мара и Морок / Лия Арден. — Москва : Эксмо, 2022. —
352 с.

ISBN 978-5-04-169631-3

Таких, как я, называют Марами — отмеченными самой богиней смерти Мораной. Когда-то у меня и моих шести сестёр был свой путь.

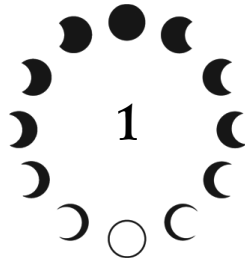
Тогда люди нас уважали и просили о милосердии. Они приносили нам подношения и молились нам. Но 200 лет назад все изменилось, когда принц Серата осмелился поднять руку на одну из нас.

Я пыталась отомстить, но погибли мы все. Теперь правители Аракена, погрязшие в длительной войне со своим соседом Сера-том, решили вернуть меня к жизни. Дать второй шанс на месть и свободу, привязав меня к тому, против кого я никогда не пойду. Таких, как он, называют Морок, и их боятся абсолютно все.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169631-3

© Арден Л., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Я иду, стараясь не отставать и не сбавлять шага. Потому что стоит мне только зазеваться, и он вновь натянет цепи, прикреплённые к моим кандалам на руках и металлическому кольцу вокруг шеи. А если он дёрнет слишком резко, я могу упасть прямо в жидкую грязь, в которую превратилась дорога из-за недавнего ливня. Пачкать свою новую и пока что единственную одежду мне не хочется. Всё-таки эти рубашка и кафтан намного лучше тех практически разложившихся тряпок, в которых они подняли меня из могилы.

Я оглядываю зевак, собравшихся по обе стороны дороги. Они хоть и жмутся друг к другу, особенно когда мы проходим мимо, но не могут подавить любопытство, не зря ведь рискнули выбраться в такую глушь в столь ранний осенний час. Небо затянуло тяжёлыми серыми тучами, и не понять, ещё утро или солнце уже перевалило за полдень. Воздух буквально пахнет приближающейся зимой, а когда они

вытаскивали меня наружу за час до рассвета, дыхание с моих губ срывалось облачками пара, а под сапогами скрипел иней, покрывший траву.

На лицах людей отражается весь спектр эмоций при виде меня: от интереса и восторга до ужаса и даже отвращения. Хотя чему удивляться? Я уверена, что не каждый день им удаётся увидеть ожившего мертвеца из старых сказок. Но я не желаю становиться экзотическим животным, выставленным на потеху публике, и низко опускаю голову, а накинутый капюшон моего плаща позволяет игнорировать чужие взгляды.

При всем желании я не смогла бы скрыться от любопытных глаз. Среди окружающих нас блёклых оттенков моя длинная алая накидка издали бросается в глаза. У меня вырывается горькая усмешка, когда я понимаю, что они специально нарядили меня в эти ритуальные одежды, подчёркивая, кто я есть. Да, мы с сёстрами носили такие, чтобы выделяться на фоне зимних пейзажей и белоснежных покровов, принадлежавших нашей богине. Но сейчас я иду по грязи, пачкая подол. Мне должно быть абсолютно на это наплевать, однако в груди липким комом затаилось недовольство.

Таких, как я, было всего семь, включая меня. Мары. Так нас прозвали. Мы, как и обычные люди, пьём, спим, боимся, умираем, кричим, когда нам больно, но мы избраны с десятилетнего возраста и отмечены самой богиней смерти Мораной. Вы особенные, говорили одни, ваше предназначение

важно ничуть не меньше, чем сама жизнь, вторили другие, забирая нас от родных семей, чтобы воспитать ради какой-то призрачной высшей цели. Хочу, чтобы они повторили это ещё разок моим мёртвым сёстрам, чья плоть уже наверняка разложилась в их общей могиле. Или, может, их просто сожгли, и только моему телу не повезло каким-то образом уцелеть.

Когда-то, возможно, так и было. Возможно, мы были особенными, но всё изменилось.

Я умерла много лет назад, и мир теперь не тот, что раньше.

Он всё-таки дёрнул цепи, и я сделала один неуклюжий шаг вперёд, пачкая ботинки ещё больше. Будь это кто-то другой, я бы прошипела проклятия, и этот кто-то другой испугался бы, желая убраться от меня как можно дальше, боясь, что одна моя фраза может наслать порчу на весь его род. Но с этим мужчиной я посмела лишь на мгновение вскинуть испуганный взгляд, наталкиваясь на чёрно-золотую маску, которая полностью скрывает его лицо, наполовину утопая в тени накинутаго капюшона. Маска похожа на морду какого-то животного, скорее всего шакала, на месте глаз — чёрные провалы. Любой засомневается, что под этой маской вообще есть лицо настоящего человека. Хотя человек ли он — тоже спорный вопрос. Поговаривают, что под маской и вовсе нет лица, что там сама тьма или же голый череп. Точно никто сказать так и не смог, потому что никому пока не удавалось выжить после того,

как они узнавали правду. Таких, как он, зовут Морок. Слуга самой Тени, у которой нет ни начала, ни конца. Нет вообще ничего, кроме пустоты, тишины и бесконечного одиночества.

Я опускаю взгляд, прося прощения, а потом неуклюже, с чавкающим звуком, вытаскиваю ногу из грязи, чтобы продолжить движение. Больше я не смею на него смотреть, но чувствую нутром его пристальное внимание, как что-то тяжёлое и давящее. С нами два взвода стражи по пятнадцать человек, чтобы держать людскую толпу от меня на расстоянии. Но, мне кажется, они нам не особо и нужны, потому что никто даже под угрозой натянутой стрелы или лезвия у горла не рискнёт и близко подойти, пока Морок стоит рядом со мной. Если бы я могла, сама бы от него бежала подальше без оглядки.

«Разве могут кого-то бояться такие, как мы, отмеченные самой богиней смерти?» — когда-то спрашивала я одну из своих сестёр. И, оказывается, могут.

Таких, как Морок, боятся абсолютно все.

Именно Морок поднял меня из земли три дня назад, оживил, привязав к себе. Я дышу, пока дышит он, и только такие, как он, вообще способны на подобные чары. Никто не дал мне зеркала, и я не знаю, как выгляжу, хотя в первый же вечер оцупала своё лицо и не почувствовала ничего особенного, кроме того, что оно сильно осунулось. Оглядывая тело и руки, я заметила лишь, что кожа моя имеет сероватый, трупный оттенок, а когда-то длинные чёрные волосы поседели. Не красивой белизной, а серым, каким-

то мышинным оттенком. Я с отвращением смотрю на свои руки: пальцы такие худые, будто кости, обтянутые кожей, и я боюсь представить, как жутко, должно быть, выглядит моё лицо. Хотя люди не разбегаются в панике.

— Чуть позже оттенок станет более живым, — бросил мне Морок несколько часов назад, когда я беспрестанно скребла ногтями кожу на кистях, будто могла стереть трупную синеву.

Тогда я замерла от страха, слыша его голос. Он сильно искажается сквозь маску. Голос точно мужской, но невозможно сказать ничего о возрасте говорящего или о том, приятный это голос или нет. Я лишь успела ощутить поднимающуюся откуда-то изнутри пустоту и холод от его слов.

— А волосы? — Надо быть идиоткой, чтобы беспокоиться о таком.

Но он ответил в последний раз:

— Волосы останутся такими.

Больше спрашивать я не стала.

— Мы пришли! — довольно громко говорит принц, останавливая своего коня, когда дорога заканчивается, а мы все подходим к опушке леса.

— ВСЕМ ОСТАНОВИТЬСЯ! — басит капитан и тоже трогает поводья своей лошади.

Все солдаты, я и Морок замираем, а простой люд остаётся за нашими спинами метрах в пятнадцати, не смея подойти ближе.

Принц улыбается, поворачиваясь ко мне. Вероятно, он доволен выбором этого места, хотя я всё

ещё не знаю, зачем они меня сюда притащили, поэтому не спешу разделить его радость. Я оглядываю полосу мрачного леса впереди. Большая часть деревьев уже остались без листвы, а их корявые голые ветки торчат в разные стороны. Однако чуть дальше, в сумрачной глубине, количество вечнозелёных елей увеличивается, и невозможно разобрать, что же там прячется.

Принц ловко спрыгивает с коня и лёгким шагом идёт ко мне. В отличие от остальных этот молодой мужчина без брони. На нём чёрные штаны и наглухо застёгнутый удлинённый сзади чёрный мундир, отлично сидящий на его стройной фигуре. Золотая вышивка и эполеты подчёркивают статус, хотя уже по одной гордой осанке и плавной походке можно понять, что он обладает немалой властью. Не выказав какого-либо страха, он проходит мимо Морока, а тот лишь провожает его взглядом.

— Что ж, Мара, надеюсь, ты покажешь нам свою силу.

Принц говорит мягко, а улыбка касается не только губ, но и тёплых светло-карих глаз. Он обращается ко мне будто с просьбой, хотя она таковой не является. На вид ему около девятнадцати лет. Тот же возраст, в котором умерла я, но он — принц, а я — его пленница и ходячий мертвец. Он кивает капитану, и тот передаёт молодому человеку меч.

— Просите меня нарубить вам дров для костра? — Я равнодушно смотрю на оружие, которое принц теперь протягивает мне.

— Обращайся как подобает к его высочеству принцу Даниилу! — угрожающе рявкает капитан.

— Всё в порядке! — всё с той же улыбкой встречает принц.

Морока, может, я и боюсь, но не этого Даниила или его солдат. Худшее, что они могут сделать, — убить меня. А в моём положении это смешная угроза. Принц делает шаг ближе ко мне и наклоняется немного вперёд, чтобы остальным было труднее слышать:

— Позволь повторить, Агата. Я буду рад посмотреть на твои способности. — Я стараюсь не показывать удивления, что ему известно моё настоящее имя. — Мне стоило больших трудов убедить отца, что твоё воскрешение нам на руку. Не заставляй меня разочаровываться. Возможно, ты уже мертва, но не забывай, что всего одно слово, и ты отправишься в место, где будет гораздо хуже, чем здесь.

Меня прошибает озноб, и я кошусь на Морока, который наверняка всё слышал, стоя к нам ближе всех. Принц Даниил прав. Одно слово, и Морок может отправить меня в Тень. Это даже не конец, это хуже.

— Что я должна сделать?

— Умница. — Довольный принц хватается мою руку и, сжав пальцы, подтягивает к себе, пока другой рукой взмахивает в сторону леса. — Жители рассказали, что здесь скрывается упырь, утащивший нескольких молодых девушек в лес. Упыри ведь как раз по твоей части?

— Да.

— В этой местности подобной нечисти осталось не так много, но легенды гласят, что именно Мары или Мороки приходили на помощь в таких случаях, — продолжает он, не обращая внимания на мой ответ. — Сними с неё цепи, — бросает Даниил Мороку.

— Ваше высочество, разумно ли это? — встречает капитан, с опаской поглядывая на меня.

— Перестань так переживать, Дарий! А то сидины прибавится! — вновь отмахивается принц, а капитан Дарий хмурит брови. — Неужели ты ничего не знаешь о том, на что способен Морок? Эти цепи лишь для вида, чтобы люди не пугались. На самом деле они ни к чему.

Морок подходит ближе и начинает снимать с меня кандалы, вначале с рук, а потом и с шеи. Я стараюсь как можно меньше нервно дёргаться, когда его пальцы, затянутые в чёрные перчатки, касаются моей кожи. Морок на целую голову выше меня. Насколько у него крупное телосложение, мне не понять, потому что тело затянато в чёрную кожаную броню и скрыто чёрной, немного потрёпанной временем мантией. Но из-за наплечников под плащом он выглядит очень внушительно. Рядом с ним мне хочется сжаться и стать как можно более незаметной.

— Чарами она привязана к Мороку и уйти далеко от него не сможет. А даже если попытается бежать, то он выследит. Будет чувствовать её словно пёс. Верно я говорю?

Морок кивает в ответ, а я облегчённо выдыхаю, когда он отходит. Не успеваю я потерять саднящую после оков шею, как принц подхватывает меня под руку и тащит к кромке леса. *Он либо сумасшедший, либо идиот.* У остальных хотя бы хватало ума не прикасаться ко мне.

— Агата, — он почти с нежностью тянет моё имя, — должен признать, времени прошло много, и сейчас байками о вас пугают детей и недалёких глупцов, что не понимают истинной ценности вашей силы, дарованной Мораной.

— И что же о нас говорят?

— Хм... например, что вы ходите зимой в ночи вокруг домов и называете имена, а кто откликнется — умрёт. А кто-то поговаривает, что после своей смерти вы встаёте и бродите по земле, держа свои головы под мышкой.

Я искоса смотрю на собеседника, пытаюсь понять, выдумал ли он это прямо сейчас или люди действительно превратили нас в персонажей для ночных кошмаров.

— Но я вырос на сказках о старых временах, — спокойно продолжает принц, — о том, как вы, Мары, избавляли леса от нечисти, как обрывали нити жизней у тиранов и даровали долголетие королям, которые были благородны и добры к своим подданным. Как яркие были ваши алые мантии на фоне белоснежного леса, как бела молочная кожа с нежным румянцем, как алы были губы, а волосы — черны, словно летняя ночь.

Я бы решила, что он насмехается надо мной, если бы не этот мечтательный блеск в глазах, устремлённых вперёд, когда он запускает руку в свои светлые, слегка прикрывающие уши, волосы.

— Я слышал, что каждая из вас была как сама богиня Морана, прекрасна и молода, будто её копия. — Принц, наконец, переводит взгляд на меня, и восхищение сменяется снисхождением с оттенком жалости в его улыбке.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не скривиться, пока он сочувственно похлопывает ладонью по моей кисти, которая покоится на его согнутой в локте руке. Я бы с радостью её вырвала, но принц держит крепко.

— Как жаль, что мне уже не удастся познакомиться с тобой и твоими сёстрами, когда вы были настолько сильны и едины. Хотел бы я быть принцем, когда все сказки были явью. Но мы ещё успеем поговорить. Буду рад, если ты расскажешь мне несколько волнующих моментов из своей жизни. А сейчас, пожалуйста, избавься от упыря.

Принц Даниил останавливается на полпути между своей охраной и кромкой леса. В этот раз я принимаю меч из его рук и в нерешительности замираю, когда он складывает руки на груди и в ожидании устремляет на меня взгляд.

— Не желает ли принц отойти к своему капитану? — Мои губы едва дёргаются в улыбке, когда он понимает намёк, что ему лучше убраться с дороги.

— Пожалуй, не желает. — Уголки его губ растягиваются ещё шире, показывая зубы. — Я люблю смотреть из первых рядов.

— Вы когда-нибудь видели упыря? — пытаюсь пристыдить его я.

— Я видел живописные иллюстрации в книгах, — парирует Даниил, явно не воспринимающий ситуацию всерьёз.

— Тогда одолжите мне и свой кинжал.

Принц приподнимает бровь, понимая, что останется безоружным. Меча при нём нет. Я стараюсь подавить ухмылку, наблюдая за его заминкой. Похоже, он плохо читал свои сказки, раз думает, что кинжал поможет ему защититься от меня. Хотя и с моей стороны будет глупо даже пытаться его убить.

— Это мой счастливый кинжал, буду ждать, что ты вернёшь его мне как можно быстрее, — говорит Даниил, протягивая оружие.

— Всенепременно, — сухо отвечаю я, принимая оружие, и иду вперёд ближе к деревьям.

Упырь.

Принц Даниил всё-таки обладает, может, и не полной или искажённой, информацией обо мне и моих сёстрах, но большая часть того, что он бормочет, верна. То, что мы отмечены богиней смерти, разве что звучит жутко. На деле мы приносили скорее пользу, хотя нередко в специфической форме. Мы можем упокоить то, что давно мертво, но по какой-то причине цепляется за старую жизнь и не хочет покидать этот мир. Такими как

раз являются упыри, бесы, призраки, полудницы, утопленники и другая нечисть. Обычному человеку, чтобы убить того же упыря, необходимо быть быстрым. Он должен знать, что твари нужно обязательно отрубить голову и руки; знать, что нужно держаться подальше от их зубов и что первое, куда целится нечисть, это шея. Если человеку удастся справиться с мертвецом, то стоит его как можно быстрее сжечь, иначе все старания станут напрасными. И это только упырь. Для другой нечисти свои правила, каждый вид опасен по-своему, и мало кто из обычных людей знает, как с ними справиться. Однако такие, как я или Морок, могут сделать всё сами.

Мары способны видеть и касаться того, что не замечают другие. Мне достаточно дотронуться до тварей, и я смогу с концами оборвать их жизни, дать шанс на переход, что им не удалось завершить. Именно этим мы и занимались раньше. Отправляли неуспокоенных в потусторонний мир.

Это было основной задачей всех Мар, но позже нас втянули в политику. Мы стали обрывать жизни правителей, которые несли разрушения, тиранов, которые едва не погубили свои страны. А пару раз я слышала, что сёстры ещё до моего рождения подарили долголетие двум королям. Это тоже было в наших силах, но тогда никто не знал, что такие сведения лучше держать в тайне, иначе однажды они станут тем, что может нас погубить. И так и произошло.

Мы не бессмертные, наши задачи опасны, и немало сестёр погибло, сражаясь с нечистью. Если же Маре удаётся прожить жизнь до конца, то она будет лишь в полтора раза длиннее обычной человеческой жизни. Раньше существовал баланс, Мар всегда было семь. И как только одна умирала, сразу где-то у другой десятилетней девочки открывались способности.

Но теперь я последняя и больше не вижу смысла платить пользой за причинённое нам зло. Однако вначале мне нужно избавиться от связи с Морокком, а значит, какое-то время придётся быть послушной. К тому же мне интересно, ради чего они пошли на такой риск, поднимая меня из могилы. Вряд ли дело в каком-то одном мертвце, что прячется в лесу.

Я скидываю капюшон и втягиваю носом воздух, пытаясь найти упыря. Он спит, прячась далеко в глубоких тенях еловых веток в ожидании вечера, когда солнечный свет не будет его тревожить. Запах гнили легко распознать среди свежести леса и влажной земли.

Принц Даниил хочет представления, почему бы и нет.

И я затягиваю песню, тихую ритуальную молитву, наложенную на мелодию. Губы непроизвольно изгибаются в улыбке, когда, слегка обернувшись, я отмечаю, что принц и его солдаты, как один, восхищённо вздохнули. Не только лица, но и красивые голоса являются отличительной чертой Мар. Они

нам нужны для того, чтобы петь подобные песни призыва, и твари, как под гипнозом, сбегались к нам. Это облегчает охоту, но есть и побочный эффект...

От меня не укрылось, что Морок всё понял. Его не восхищают ни голос, ни мелодия, он напряжённо опускает руки, ранее сложенные на груди, и делает несколько стремительных шагов в мою сторону. Не задумываясь, я поднимаю руку вверх, чтобы он оставался на месте, и, к моему удивлению, он послушно замирает, возможно, решая дать мне шанс.

По-честному, я сильно рискую. Мары прибежали к ритуальному призыву, только если рядом, бок о бок, стояло не меньше трёх сестёр. Однако моя собственная смерть сделала меня беспечной.

Растягивая ноты, я продолжаю напевать ещё несколько минут. Ощущаю, как звук вибрирует в грудной клетке, как лёгкие наполняются воздухом, а буквы сами складываются в знакомые слова.

Я чувствую, что они просыпаются. Как я и ожидала, упырь не единственный, кто услышал меня. По земле, отдаваясь слабой вибрацией в ногах, пошёл гул, птицы замолчали, напуганные тварями, что решили спрятаться в их лесном доме. Я заканчиваю петь и скидываю мантию, которая будет разве что мешать. Под ней у меня простые чёрные штаны, рубашка и наглухо застёгнутый кафтан бордового оттенка. Ничто из этого не спасёт ни от лезвия, ни от когтей и зубов, но я хотя бы смогу быстро двигаться.

Я сжимаю в руках меч и кинжал, спиной ощущая напряжённое ожидание, которое буквально давит на всех присутствующих. Выдыхаю и начинаю медленно, про себя, считать до тридцати, чувствуя каждый их шаг.

Девятнадцать...

Двадцать...

Двадцать один...

— Дорогая Агата, — тянет за спиной Даниил, уставший ждать.

Двадцать три...

— Ты пойдёшь в лес или тебе требуется помощь? — В его голосе слышится тонкая насмешка.

Двадцать четыре...

Двадцать пять...

Первый выныривает из тени деревьев быстрее, чем я рассчитывала. Мерзкое создание, больше похожее на демона, чем на человека. Тонкие руки и ноги с когтями, серая кожа с неприятным зелёным оттенком плотно обтягивает кости, а рот полон острых зубов. Я преграждаю ему дорогу, когда он пытается ринуться в сторону солдат. Уклоняюсь от когтей, ныряя под протянутую руку, и, оказавшись сзади, размашистым ударом вонзаю лезвие меча в стиб между шеей и плечом. Меч входит в его плоть с отвратительным звуком ломающейся ключицы и рвущейся кожи. Тварь, споткнувшись, падает. Всё произошло так быстро, что никто и не успел вскрикнуть, но я вижу, как побелело лицо принца, когда он смог рассмотреть сморщенную кожу упы-

ря, теперь лежащего лицом в жухлой траве. Этот упырь старый, давно бродит по земле, а его кожа и клочки сохранившихся волос и вправду отвратительны. Я наклоняюсь, чтобы быстрее завершить дело, показать настоящее колдовство, потому что воткнуть меч в тварь может любой из присутствующих. Касаюсь пальцами шеи упыря и ухватываю их — сверкающие, переливающиеся, словно бледное золото, нити, тянущиеся вдоль позвоночника. Нити жизни.

Именно это — наш особый дар, при желании мы можем их видеть, можем вытащить и укрепить, а можем оборвать. Их должно быть три, но у живых мертвецов всегда одна или две уже разорваны. У этого упыря до сих пор целы две. Я выпрямляюсь, сжимая сверкающие нити в кулаке как трофей, натягиваю до возможного предела, позволяя и обычным людям их увидеть. А потом, встречаясь с взглядом карих глаз принца, который не скрывает восхищения, рву нити, резко дёргая рукой вверх. Тело упыря содрогается и вновь затихает уже навсегда, а нити исчезают.

Руку после этого саднит, на ладони появляются два глубоких пореза, но кровь почти не выступает, потому что сердце не работает и не гоняет красную жидкость по моим венам. Я скрываю порезы, сжимая ладонь в кулак. Мне стоило просто перерезать нити кинжалом, как мы поступали всегда. Но я специально сделала это руками на глазах у Даниила, чтобы он знал, что при желании я и его жизнь обо-

рву с такой же лёгкостью. Я надеялась, что он ужаснётся, но в глазах принца загорается живой интерес, а лицо озаряет почти счастливая улыбка — улыбка человека, нашедшего алмаз вместо кварца. Я не успеваю задуматься над этим, как из леса выскакивает ещё один упырь. Поворачиваюсь к нему, теперь сжимая один лишь кинжал, ожидаю, что он бросится ко мне. Но тварь игнорирует меня, резко уходя в сторону. Я едва успеваю развернуться и швырнуть кинжал в голову нечисти, и та падает прямо под ноги принцу, не добежав до него буквально пары метров.

Отдаю должное королевскому наследнику, в обморок он не рухнул. Только сделал несколько шагов назад, но от улыбки и следа не осталось.

— Богиня... — выдыхаю я, понимая свою ошибку.

Мы переглядываемся с Мороком. Я не могу видеть его лица или понять, что он чувствует, но у меня ощущение, что мы оба подумали об одном и том же. Я рассчитывала, что все твари будут нападать на меня, стоящую ближе всех к линии леса, но забыла, что я и сама ходячий труп. Нежить же тянется к горячей крови. Я подбегаю ко второму упырю, вытаскиваю кинжал из его тела и перерезаю нити, чтобы он вновь не встал.

— Стоит ли мне волноваться, Агата? — натянуто спрашивает принц.

— Что вы, ваше высочество! — вру я, криво улыбаясь. — Или уже желаете сменить первый ряд на последний?

Он не успевает ответить, когда из леса начинают выходить новые твари. Хотя среди них ещё лишь один упырь и три призрака. Со вторыми проще, вероятно, это души тех, кого упыри смогли утащить в лес. Но меня удивляет Морок, который выходит вперёд, держась чуть в стороне, чтобы твари вначале обратили внимание на него, а не на принца. Вполне возможно, он при желании может справиться с нежитью голыми руками, но мужчина поворачивается ко мне и кивает, ожидая... *что я буду его защищать? Помогает мне, давая справиться в одиночку?*

Может, громила испытывает немного сострадания ко мне — той, которой нужно доказать свою полезность королевскому отпрыску, чтобы он не решил, что её воскрешение было напрасной затеей?

Моя догадка подтверждается, когда твари кидаются к Мороку, а он и головы не поворачивает, продолжая смотреть на меня. Будь он не столь опасен, я бы закричала на него, покрывая самыми отборными бранными выражениями, но я едва успеваю добежать, чтобы перехватить первого призрака, тянущего длинные руки к мужчине. С призраками проще, потому что их тела не настоящие, а мягкие, будто сделанные из слишком плотной энергии. Они рванят не столько руками, сколько сводят с ума при прикосновении, но на таких, как я, их сила не действует, и я просовываю руку с кинжалом прямо сквозь тело призрака, разрезая нити вдоль позвоночника.

Я задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать смрад, но ощущение склизкости на руке, которая прошла сквозь его тело, и мерзкий трупный вид делают своё дело — к горлу подступает тошнота. Призрак растворяется как раз в тот момент, когда упырь прыгает на Морока, и я, сделав безрассудный шаг, загораживаю мужчину собой. Не позволяю себе вскрикнуть, лишь шиплю, когда нежить впивается мне в одно плечо зубами, прокусывая его насквозь и ломая какую-то кость. Я надеялась, что не буду чувствовать боль, но *как бы не так*. Боль почти как настоящая, как при жизни. Во второе моё плечо тварь вгоняет свои когти, повисая на мне, как огромная пиявка. От его омерзительности внутри поднимается волна злости, и я отрываю упыря от себя, разрывая свои же раны и увеличивая боль. Как только мне удаётся его сбросить, я сразу пинаю тварь и втыкаю нож ему в шею. С оставшимися двумя призраками я разбираюсь быстрее, а потом проверяю, чтобы у каждой нечисти были перерезаны нити жизни. Призраки сразу исчезают, растворяясь в воздухе, а вот упыри остаются лежать смердящими кучами костей и плоти.

Я замираю с тяжёлым дыханием, понимая, что на сегодня это всё. Из леса больше никто не собирается вылезать. Как могу, я оглядываю плечи, отмечая испорченную одежду, рваные раны, сквозь которые видно повреждённые мышцы. Крови больше, чем на ладони, но обильного кровотечения нет. Однако боль по-прежнему пульсирует, а руки начинают не-

меть. Морок с таким равнодушием смотрит на мои повреждения, что я не могу сдержаться и бросаю на него злой взгляд.

— Это было потрясающе! В одиночку убить стольких! — Принц Даниил почти аплодирует, ослепляя довольным выражением лица.

Мне хочется воткнуть его же кинжал ему в карий глаз, чтобы стереть очаровательную улыбку, но вместо этого я протягиваю оружие, возвращая его хозяину. К нам подбегает капитан Дарий со своими солдатами, проверить, всё ли хорошо с принцем.

— Сожгите трупы, — велю я капитану, и тот отдаёт приказ нескольким солдатам.

Даниил принимает мою красную мантию от одного из солдат и, подойдя сзади, заботливо накидывает её мне на плечи, скрывая жуткие раны.

— Мне больно, — тихо признаюсь я.

— Так и должно быть? — Принц удивлённо смотрит на Морока.

— Да. Но через пару дней всё заживёт. — Голос у того низкий и ровный, без каких-либо эмоций.

— Как? Я же... мертва... моё тело не восстанавливается.

Морок вновь поворачивается ко мне, и я жалею, что поинтересовалась.

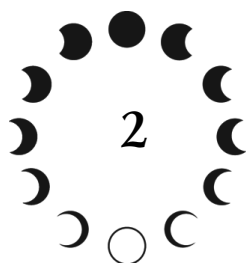
— Наша связь. Тебя вылечит моя жизненная сила, та же, благодаря которой ты вообще ходишь и болтаешь.

Я прикусываю язык, морщась от боли. Хочется ещё спросить, когда раны перестанут ныть, но я не решаюсь испытывать его терпение.

— Вы удовлетворены представлением, принц? — Я пытаюсь скрыть своё презрение, сохраняя спокойный тон.

— Более чем, дорогая Агата! — Он с нежностью обхватывает мою ладонь обеими руками. — А теперь самое время, чтобы привести тебя в порядок и представить моему отцу.

220 лет назад

-К *кая удача!*
— Эта семья благословлена!
— Отмеченные дважды! — шепчутся селяне, собираясь вокруг дома, когда в самом начале зимы шестеро Мар в своих красных мантиях пришли, чтобы встретить новую сестру, и я среди них.

А всё потому, что одна из нас умерла неделю назад от старости. И только это произошло, как мы все почувствовали появление новой сестры, что займёт место прежней. Первый раз я среди тех, кто приветствует нового члена семьи.

Уже несколько дней как начался первый месяц зимы, но снег выпал удивительно поздно. Длительное время окружающий пейзаж был в серо-коричневых тонах, а землю покрывали полусгнившая листва да грязь от частых дождей, но стоило нам отправиться в дорогу, как пошёл снег. Валил весь

день, а потом и всю ночь, накрывая мир белым саваном и усложняя нам путь.

Когда мы добрались до нужной деревни, уже перевалило за полдень. Небо до рези в глазах голубое, солнце стоит высоко, и его лучи отражаются от белоснежного покрова. Все жители замирают, пока мы проходим мимо в своих алых плащах, а свежий снег скрывает под нашими сапогами. Мне тринадцать лет, и до этого дня я была самой младшей из сестёр.

Марой я стала три года назад, через неделю после своего десятилетия. Так же, как это происходит со всеми. Только у десятилетних девочек с чёрными волосами открываются способности.

— Ты рада, Агата? — спрашивает меня Ирина, за чью руку я цепляюсь.

Ирина — моя наставница, именно она несёт ответственность за моё обучение. Ей около семидесяти лет, но с виду можно дать максимум тридцать. Мары живут дольше обычных людей, до девятнадцати лет мы растём как все, а потом наше старение сильно замедляется. Так мне рассказали. Поэтому даже самая старшая из нас, которой исполнилось сто двадцать три года, выглядит лишь на пятьдесят.

У Ирины, как и у других Мар, длинные чёрные волосы, красивое лицо и приятная улыбка.

— Я волнуюсь, — бормочу я. — Ты знаешь, кто она?

— Нет.

— А когда вы пришли, чтобы забрать меня? Тоже не знали?

— Не знали. Ты же ощущаешь эту нить... мы все её чувствуем, как будто она зовёт, — улыбается Ирина, когда я киваю, соглашаясь. — И мы идём за ней, пока не найдём новую сестру.

— Почему вокруг шепчут странное? — вновь бурчу я, оглядываясь по сторонам.

Мне с детства не нравилось пристальное внимание незнакомых людей, но теперь из-за своей одежды и способностей я всегда на виду, меня замечают все, куда бы я ни пошла.

— Кто знает... может, они догадываются, к кому мы идём, — загадочно улыбается наставница.

Мы подходим последними, остальные сёстры уже стоят перед нужным домом. Никто из нас не станет входить, все и так понимают, что означает наше появление, и сейчас родители девочки, скорее всего, кутают дочь в тёплые одежды и собирают ей еду в дорогу... прощаются. Всё то же самое, что делали мои родители несколько лет назад. С тех пор я их ни разу не видела.

Даже если бы я захотела, то не смогла бы, потому что они покинули нашу родную деревню. Ещё одно из правил. После того как девочку забирают, её семья должна уехать. Это сдерживает новоиспечённых Мар от желания сбежать обратно в родной дом в первые несколько лет жизни в храме до того, как они привыкнут к новой семье.

Нельзя сбежать к родителям, если не знаешь, где они находятся.

Селяне тоже начинают собираться вокруг избранного дома за нашими спинами, они ждут, с интересом поглядывая на пока ещё закрытую дверь. Кто-то вслух гадает, насколько красивой станет девочка. Все уверены, что у неё будет молочная кожа и чёрные волосы под стать Моране. А вот глаза у всех Мар разные, здесь нет единства, хотя говорят, что у богини они карие, почти чёрные. У Ирины глаза светло-карие, у Киры — зелёные, такие красивые и яркие, как свежая трава, а у меня — голубые, холодные как лёд, говорила мама. Как красивый, полупрозрачный лёд.

Сёстры стоят молча, терпеливо ожидая, когда семья будет готова. Я единственная переступаю с ноги на ногу, пытаюсь согреться. Оглядываю небольшой огород перед одноэтажным простым домом, покатавая крыша которого, как и всё вокруг, покрыта толстым слоем снега, отчего деревянные стены здания кажутся почти чёрными. Окна занавешены, поэтому возможности рассмотреть что-то внутри нет. Из печной трубы валит густой белый дым, указывая, что хозяева дома. К тому моменту, как дверь начинает открываться, мои руки уже успевают озябнуть. Я в последний раз выдыхаю облачко пара на свои сжатые в кулак пальцы и только потом поднимаю взгляд.

— Мама...

Ирина сжимает мою левую ладонь, которую держит до сих пор, но не сопротивляется, когда я вытаскиваю руку и делаю несколько шагов вперёд.

— Агата, — мама тихо всхлипывает, замечая меня в толпе.

Я с недоверием смотрю на отца и мать, которые теперь стоят на пороге, как и я, не решаясь сделать шаг навстречу. Не уверены, позволено ли это. Я ещё раз оглядываю дом, не зная, чему верить, не понимая, как такое возможно. Из-за их спин выглядывает моя младшая сестра, одетая в зимний синий кафтан, утеплённый мехом. Мы никогда не были богаты, скорее даже бедны. И этот кафтан хоть и простоват, но наверняка самое нарядное, что есть у сестры. Синий цвет так подходит к её глазам, они почти как у меня, только темнее и похожи на насыщенную синеву неба. Мама часто говорила в детстве, что мы с ней красивы. Но уже тогда я знала, что это неправда. Моя сестра — настоящая красавица, от неё глаз не отвести. Её кожа и вправду молочная, чёрные волосы всегда блестели ярче, чем у меня, а глаза такие большие! Она всегда была похожа на куклу и сейчас всё такая же.

Мама раскрывает объятия, продолжая всхлипывать, и я, не задумываясь, подбегаю к ней, обнимаю её и отца, а потом пытаюсь ухватить ещё и младшую сестрёнку, но не могу дотянуться.

— Это правда!

— Вторая девочка в семье, и тоже отмечена...

— *Какое благословение!* — громко и восторженно шепчут селяне за нашими спинами.

Я оборачиваюсь на своих сестёр Мар, и они улыбаются, но грустно, натянуто, намного лучше понимая, какая это трагедия для семьи. Они знают, что жители вечно возбуждённо бубнят о благословении, только пока оно не придёт в их дом и не заберёт их ребёнка.

А у моих родителей забирают второго.

Во мне плещется предательская радость пополам с разочарованием. Я уже знаю эту боль расставания, знаю, какие уроки предстоят моей сестре, какая у нас теперь судьба. Одинокая, без родительской любви, без будущего мужа и надежды на создание семьи. Жизнь, посвящённая борьбе с нечистью. И я не хочу такого для сестры. Но чувство, что теперь я не одна, предательски распространяется тёплыми искрами где-то внутри.

— Анна. — Я протягиваю руки к сестре, и та прижимается ко мне, как и раньше, в детстве.

Отец утирает слёзы быстрее, чем они успевают скатиться, а мама плачет открыто, поглаживая меня по волосам. Они ничего не говорят другим Марам, потому что ни мольбы, ни просьбы, ни угрозы не сработают. Анну всё равно заберут, даже если её придётся вырвать из рук родителей.

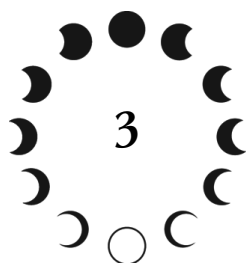
Когда-то давно бывали семьи, которые пытались прятать своих девочек от этой судьбы, бежать, если была возможность. Однако заканчивалось всё одинаково. Девочку забирали либо до-

бровольно, либо вырывая от уже мёртвых родителей, поэтому больше никто не пытается. Ни одной отмеченной девочке не удалось ускользнуть.

Но и ни разу не было такого, чтобы в одной семье «благословение» падало больше чем на одного ребёнка. И уже в этот момент, вновь оглядываясь на сестёр в красных плащах, я понимаю, что Анна — особенная.

Ирина выходит вперёд и протягивает мне руку, я хватаюсь за неё, уходя вслед за наставницей, и тяну за собой сестру, как мне кажется, в новый мир, знакомый ей лишь по легендам и сказкам на ночь. В мир, который станет нашей реальностью, и совсем не той, о которой мы мечтали в детстве зимними вечерами, сидя у тёплой печки.

Я начинаю скрипеть зубами, когда принц Даниил приказывает привести для меня белого коня. Поднять на уши всю деревню, если нужно будет, но найти. Чем больше времени мне приходится проводить в его обществе, тем больше он раздражает меня своим мальчишеским энтузиазмом и восхищением старыми сказками, половина из которых для меня были реальностью до моей смерти. И отнюдь не столь приятной, как ему может показаться.

— Мне не нужен белый конь, ваше... высочество. — Последнее слово я едва ли не выплёвываю под пристальным и недовольным взглядом капитана Дария, из-за которого хочется бросить ему, что наша неприязнь взаимна.

Даниил оборачивается ко мне, и вновь его лицо расплывается в улыбке. Либо он не замечает, как действует мне на нервы, либо делает это специально, просто чтобы позабавиться. И, судя по внима-

тельному взгляду, который принц упрямо прячет за шутками и комплиментами, я склоняюсь ко второму варианту.

— Ох, нет, дорогая Агата, нужен! Почти двести лет все считали, что Мары мертвы...

— Мары мертвы, — вставляю я.

— ...но вот она ты, в алом плаще, — не обращая внимания, продолжает он, — въезжаешь в столицу прямо на белом коне, как символ. Ведь белый — один из ваших цветов, верно?

— Верно, но...

— Замечательно! — заключает принц, а затем отворачивается от меня и прикрикивает на солдат, приказывая продолжать поиски.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не поддать ему под зад, но мой пыл сразу остужается от присутствия Морока чуть в стороне. Он стоит как изваяние, сложив руки на груди. Всё в той же чёрной броне и плаще, капюшон которого по-прежнему скрывает половину его чёрно-золотой маски. Если Мары часто ассоциируются с красным, чёрным и белым цветами, то Мороки, по слухам, носят исключительно чёрное и золотое.

Хоть слуги Тени ничуть не менее реальны, чем Мары или нечисть, но при моей жизни для большинства Мар они были как призрачные слухи или страшные байки. Они занимаются схожим с нашим ремеслом, справляются с неуспокоенными тварями. Но если Мары служили открыто и любой мог прийти в наш храм и попросить помощи, то к слугам

Тени так просто никто не рисковал сунуться. Говорят, Мороков мало, трое или пятеро, и где находится их храм и есть ли он вообще, знают разве что избранные. Смерть от руки Мары можно считать милосердной, потому что, даже обрывая жизнь, мы дарим шанс на перерождение. Душа наконец упокоена и отправляется к богине, которая перенаправит её в следующую ипостась. А смерть от рук Морока... конечно. Никакого перерождения, никакого нового шанса. А ещё говорят, что при желании Мороки могут отправить душу в Тень навеки. Там нет ничего и никого, ни запахов, ни звуков, там не тепло и не холодно. Просто бесконечная мучительная пустота, из которой не выбраться. Одна мысль о подобном месте, которое невозможно представить, заставляет меня поёжиться.

Короли поглядывали на Мар с интересом, потому что мы можем продлевать жизнь, а у Морока особая способность — поднимать мёртвых, привязывая к себе. Но за раз поднять можно лишь одного. Однако пока я не разобралась, как они подняли меня, если с моей смерти прошло двести лет. Почему богиня не забрала мою душу? Почему моё тело сохранилось? И что произошло после? Пока я не задаю много лишних вопросов своим сопровождающим, наблюдая за принцем и его тёмным слугой. И это очередная загадка. Почему Морок вообще ему помогает?

Помимо этого Морока, я видела ещё одного только раз, когда мне было семнадцать. Тот носил маску

ворона. Я знаю, что у каждого она своя, создаётся отдельно и наделяется какими-то чарами. Но что тогда, что сейчас у меня не хватает духу спросить, как определяется их форма и с чем это связано.

Я возвращаюсь в свою комнату на постоянный двор. Это последняя наша остановка перед столицей, мы в пути уже неделю. Слухи о том, что «одна из Мар жива и разделалась с упырями», разносятся между деревнями быстрее, чем мы предполагали. Я слышала, как люди охают и шепчутся, встречая процессию вдоль дорог. А заметив Морока в нашей компании, вообще сбиваются в группки, пристально наблюдая.

Раз уж выяснилось, что кандалы не имеют никакого смысла и Морок может легко меня выследить, Даниил решил от них отказаться. Но я чуть ли не каждую минуту думаю попросить надеть их обратно, потому что теперь приходится ехать со слугой Тени на одном коне. В первый раз он подхватил меня как мешок с картошкой и усадил прямо перед собой, прижав к груди, но смягчился, когда я зашипела от боли в плечах. С тех пор Морок усаживал меня аккуратнее, хотя первые дни меня всё равно трясло от страха, что такое чудовище обнимает меня сзади. На третий день спокойнее мне не стало, но я научилась расслабляться, сидя к нему так близко.

В комнате я продолжаю собирать свои немногочисленные вещи. Принц Даниил теперь относится ко мне не столько как к пленённой марионетке, сколько как к долгожданной гостье. *Иронично.* Эти

его милые подарки вроде гребня для волос с костяной рукоятью из одной деревни, душистого лавандового мыла из другой или нового платья взамен испорченного кафтана, который мне разорвал упырь, вызывают у меня лишь желание закатить глаза. Но дарёному коню в зубы не смотрят, и я принимаю всё со снисходительной улыбкой. Это единственное, что я могу выдать, прекрасно зная, что в один день принц делает подарки, а в другой может пожелать отправить меня в гроб.

За эту неделю, как Морок и обещал, мои раны зажили, и даже кожа приобрела более живой оттенок. В одной из деревень я наконец нашла большое зеркало, чтобы узнать, насколько плохо может выглядеть живой труп. В целом всё лучше, чем я ожидала.

Пахнет от меня только лавандовым мылом, кожа не спадает кусками, и я не разлагаюсь на ходу, скорее наоборот. Со временем я всё больше становлюсь похожа на живого человека. Вначале кожа и вправду имела синеватый трупный оттенок, но сейчас она просто неестественно бледная. Я сильно исхудала, скулы заострились, прибавляя мне несколько лет, хотя умерла я всего в девятнадцать. Но и на это Морок сказал, что со временем станет лучше, и чем больше времени пройдёт, тем всё более и более я буду походить на себя при жизни. Кроме волос и глаз. Мои когда-то чёрные, до середины спины, волосы так и остались серыми, а голубые глаза подёрнулись плёнкой и стали светлее, придавая мне какой-то жуткий вид.

Я бросаю очередной взгляд на небольшое зеркало на столике и морщусь, встречаясь сама с собой взглядом. Я не была так красива, как моя собственная сестра, но и жуткой выглядеть никогда не хотела.

За время нашего путешествия мне стало понятно, что привязанный к Мороку мертвец, как я, не только испытывает боль, но также и устаёт. Поэтому по ночам я сплю. Я дышу, хотя делаю это скорее по привычке, не уверенная, что это жизненно необходимо. Моё тело будто работает так, как помнит. Дыхание может становиться тяжелее, быстрее или спокойнее от моего состояния. Питаться мне не обязательно. Голод я не чувствую, но иногда, смотря на еду, вспоминаю её вкус, и рот наполняется слюной. Морок сказал, что я могу пробовать желанные блюда, если очень хочется вспомнить вкус, но еда как таковая мне не нужна. Самое непривычное — это тишина в груди, там, где должно биться сердце, но оно молчит. Однако на это мой страж ответил, что оно начнёт биться позже, и когда заработает, я стану почти неотличима от нормального человека, потому что кровь вновь придаст коже приятный оттенок.

Я достаю из сумки немного сурьмы и подвожу глаза, а на бледные губы наношу специальную краску. Всё это тоже подарки от Даниила. Сурьму я знала и при жизни, а вот губы раньше мы делали ярче при помощи сока ягод. Ничто не стоит на месте, и люди успели придумать новые средства, чтобы становиться красивее. Моё лицо выглядит чуть луч-

ше, но эти будто неживые глаза теперь выделяются ещё больше.

— Что же скажет богиня на то, что я сама теперь нечисть? — горько усмехаюсь я вслух, глядя на своё отражение.

— Она ничего не скажет. Твоей богине на всё это давно плевать, как и остальным.

Я вздрагиваю от голоса, даже не заметив, что Морок встал на пороге моей комнаты.

— Что ты имеешь в виду?

Он только поводит плечами и взмахивает рукой, приказывая выходить. Мы отправляемся. Я скидываю всё в небольшую сумку и двигаюсь вслед за своим охранником.

— До Ярата остался всего день пути, Агата, — слегка наклоняя голову, напоминает Даниил, когда Морок подсаживает меня на белого коня.

Принц всё-таки его нашёл. И глупо скрывать, но алый плащ и вправду благородно смотрится на фоне белой шкуры лошади. Поглаживая белоснежную шею животного, я улыбаюсь. Красивый конь с длинной гривой и шелковистым хвостом. Жаль, что он испачкает себе все ноги, ступая по предстоящим нам раскисшим дорогам. Хотя, к счастью, вчера дождя не было.

— Значит, улыбаться ты всё-таки умеешь, — тихо тянет принц, когда Морок отходит от нас.

Моя улыбка сразу тускнеет, я продолжаю поглаживать шею животного и перевожу взгляд на принца.

— Переживала, что вы можете в меня влюбиться, ваше высочество.

Даниил хитро улыбается.

— А что будешь делать, если это уже произошло?

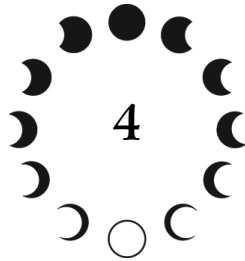
Его вопрос застаёт меня врасплох, а молодой человек, довольный, кивает моей растерянности, запуская руку в свои светлые волосы. Вероятно, он ждёт какого-то ответа, но я молчу, к своему стыду не зная, что сказать. Вся моя жизнь состояла из уроков, подготовки, служения богине и убийства тварей. Мары могут заводить романтические отношения, могут влюбляться, но всё это на деле бесполезно, потому что нельзя вступать в брак, будучи выбранной Мораной. Большинство сестёр, да и я вместе с ними, предпочли даже не пытаться что-то начинать, зная, что такие чувства не смогут получить какого-либо продолжения. Поэтому мой опыт во флирте и общении с противоположным полом скуден, чего не скажешь о принце. И, вероятно, ещё не раз мне придётся проиграть ему в этих светских дуэлях словами и щекотливыми вопросами. И всё же Даниил, вероятно, не учёл, что из-за прошлого я ненавижу принцев. И сейчас я не придумываю ничего лучше, чем выпрямиться в седле, игнорируя вопрос.

— Приму это как твоё «да», — усмехается Даниил и идёт к своему коню.

— «Да» на что? — только и успеваю поинтересоваться я ему в спину, но собеседник не отвечает.

Я фыркаю, убирая волосы за воротник, и накидываю капюшон.

Зима — наше с сестрой любимое время года. И не только потому, что мы отмечены богиней зимы и смерти Мораной, но и потому, что в этот период магия будто окутывает весь мир. Особенно я люблю ночь после снежного вечера с серебряной, полной луной, что заставляет нетронутый снег мерцать, будто усыпанный звёздами. А воздух, пронзительно морозный, щиплет нос и кусает щёки.

Я медленно выдыхаю густое облачко пара, кутаюсь в свою алую накидку на меховой подкладке, делаю несколько аккуратных шагов к лесу, и ноги в высоких сапогах утоняют почти до середины голени.

Морищусь, когда Анна разбегается и падает на нетронутый снег, рушит совершенство свежего покрова, поднимая ногами и руками в воздух снеж-

ные хлопья. Она весело смеётся, а потом взвизгивает от холода, когда снег попадает ей за ворот кафтана. Мои губы непроизвольно растягиваются в улыбке, но я тут же шикаю на неё, прикладывая палец к губам и воровато оглядываюсь на далёкий храм.

Прошло больше месяца с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать, а Анна стала Марой одну зиму назад. Наступил самый холодный, второй месяц зимы. Все уже отпраздновали Коляду — любимый праздник всех Мар. Сёстры обошли ближайшие деревни, принимая подношения и удостоверяясь, что вокруг не завелось нечисти. Анна слишком мала для таких походов, а меня, как старшую, оставили следить за ней. Мы были расстроены, обе капризничали из-за того, что нас не пустили поводить хороводы у огромных костров да попеть колядки под окнами, чтобы выпросить вкусные угощения. Но Ирина и старшая сестра Кира были непреклонны, и нам пришлось остаться.

Однако сёстры, усталые, вернулись сегодня в самом конце сгущающихся сумерек, потому что везде начались Велесовы святки. Это время, когда люди молятся другому богу о будущем урожае и здоровом скоте. Служительницы храма расслабились, перестав за нами следить, поэтому Анна уговорила меня прогуляться с ней.

— Пойдём, Агата! Вон там есть озеро, а рядом с ним клюква, если соберём, то кого-нибудь на кухне можно упросить сделать твой любимый морс! —

Анна неуклюже поднимается, пытаясь вытряхнуть весь снег из тёмных волос, но часть длинных прядей уже намочла.

— Нельзя отходить так далеко, дурёха! — Я подхожу ближе, скручиваю её волосы, убирая так, чтобы они не охладили шею, и накидываю ей на голову капюшон. — Ночь на дворе. Если нас хватятся, нам попадёт! Хочешь ещё раз пыль со старых полок в библиотеке протереть?

Сестра смешно морщит нос, уборку она не любит. Ирина пытается её наказывать за непослушание таким способом, но результата пока никакого.

— Тут недалеко! Я тебе кое-что показать хочу!

Анна в нетерпении мнётся, смотрит на меня с надеждой, округляет большие синие глаза, а я вновь оглядываюсь на храм, что тянется ввысь у нас за спинами. Днём серый, а сейчас кажущийся почти чёрным, камень стен выделяется на фоне заснеженного леса, оранжевые огни свечей горят лишь в нескольких окнах. Почти все уже спят.

Я перевожу взгляд на небо, хочу придумать отговорку, что уже слишком темно, но луна светит ярко, а снег вторит ей, отражает серебристые лучи, сверкает, укутав толстыми слоями еловые ветки.

— Хорошо, пойдём. Только быстро.

Анна, радуясь, подпрыгивает и устремляется на северо-запад, к границе с Сератом, упорно переставляя ноги и утопая в снегу почти по колена. Я выше и двигаюсь быстрее, с лёгкостью её догоняя.

Улыбаюсь, голыми пальцами обхватываю её руку в шерстяных рукавицах.

Мы уже хорошо знаем местность около храма, потому что далеко нас пока не отпускают. Разведали тут всё и легко находим тропы, даже прикрытые снегом. Мы идём не дольше десяти минут, но Анна запыхалась, дышит шумно, кряхтит, всем своим видом показывая, как ей трудно. Я знаю, чего она хочет, и разрешаю забраться мне на спину, чтобы я понесла её ещё пару минут. Сестра сразу веселеет, болтает ногами, пока я придерживаю её под бёдра, таща на себе. Она стискивает мою шею так сильно, что мой катюшон падает назад, открывая тёмные волосы. Морозный воздух холодит затылок и макушку, но Анна трётся своей холодной щекой о мою, и я опять снисходительно улыбаюсь, прощая младшей сестре недавнее нытьё.

Теперь я слышу лишь собственное дыхание да хруст снега под ногами. Где-то в глубине леса редко ухает сова, добавляя магии этой ночи.

Когда мы доходим до берега озера, я спускаю Анну на землю, и мы обе восторженно вздыхаем, открывая рты от удивительного пейзажа. Мы здесь бывали днём, но ночью — никогда. Перед нами раскинулось небольшое озеро, оно замёрзло, и лунный диск отражается на его поверхности будто в зеркале. Мелкие трещины на льду похожи на белые и синие прожилки.

— Вон там клюква! — привлекает моё внимание Анна.

Я сразу иду в указанном направлении, желая побыстрее собрать ягоды и вернуться в нашу тёплую комнату. Ночь хоть и красивая, но холодная. Да настолько, что уже пальцы в сапогах озябли.

Замечаю ярко-красные ягоды в снегу, оглядываю огромные гроздья, предвкушая. Если собрать побольше, то не только морс можно упросить сварить, но и ягоды в сахарной пудре сделать, а может, даже пирог.

— Агата, — задумчиво тянет Анна, подходя к кромке озера, и пинает небольшой сугроб, поднимая ворох снега. — Кто такой Морок?

Я в замешательстве оборачиваюсь на сестру, размышляя, от кого она могла услышать это имя. Мне о Мороках рассказали лишь на второй год обучения.

— Они — слуги Тени, — коротко отвечаю я.

— А что такое Тень?

— Тень — это место, куда попадают самые гнилые души после смерти, а также это — тьма, которая этим местом управляет. — Проверяю ягоды на прочность; они хорошо промёрзли, а значит, не сильно испачкают карманы. Корзинки-то у меня с собой нет.

— Как Тень появилась?

Рву клюкву, заталкиваю в карманы накидки и какое-то время молчу, размышляя над ответом.

— Об этом есть несколько легенд, но только те, кто уже умер и встретил богиню, знают, которая из них правдива, — уклончиво отвечаю я.

— Агата! Ну расскажи хоть одну!

— А потом ты всю ночь от любых теней на стенах будешь шарахаться, — фыркаю я, глядя на сестру, которая трясёт игольчатую ветку ближайшей сосны, стряхивая с неё снег ради забавы.

Анна продолжает какое-то время канючить, не отрываясь от своего занятия, и я сдаюсь.

— Разные есть легенды. Большинство дошли до нас неполными. Одна из основных гласит, что Тень самой богини Мораны поднялась, когда мёртвые души её топтали. Однако самая знаменитая легенда — про то, как богиня сама схватила сумрак у ног своих и отрезала, чтобы тот помог ей справиться с жадными, эгоистичными и полностью сгнившими душами смертных. И ходит та Тень за ней, вроде и отдельно, но всегда подле нашей богини.

На середине моего рассказа сестра перестаёт шуметь и начинает слушать внимательнее.

— Морок — нечисть?

— Насколько я знаю — нет, но даже Кифе неизвестно, что у них под маской, а она самая старшая, — мрачным шёпотом делюсь я.

— Сестра Яна сказала, что их все боятся, они носят маски, а смотреть им в лицо нельзя, иначе умрёшь, — недовольно ворчит Анна.

Яна. Ну конечно. Она любит рассказывать страшные истории. Хотя какие страшные истории можно рассказать Маре, что сама убивает

живых мертвецов? Однако Яне это удалось. Она рассказала сестре про Морока.

— Я не знаю, насколько это правда. Меня Ирина предупредила, что при встрече с Мороком лучше уходить, прятаться и ни в коем случае не пытаться заглянуть под маску. И ты поступай так же, Анна! Если увидишь Морока, делай как велено, избегай подобной встречи.

Я продолжаю закидывать ягоды в карманы, когда слышу новый взрыв смеха сестры. Слышу, как она падает, и только тогда поворачиваю голову. У меня внутри всё холодеет, а ягоды выпадают из онемевших пальцев.

— Гляди, Агата! Я видела, как мальчишки делают это зиму назад, как раз перед тем, как ты пришла. Они и меня немного научили!

Анна стоит на льду уже больше чем в десяти метрах от берега, отталкивается, пытается скользить, но падает, а у меня внутри всё трясётся от напряжения.

— Анна, вернись. Иди ко мне. — Мой голос будто стал чужим, скрипучим. Я говорю сестре вернуться, но сама застыла, боясь сделать шаг, словно это я стою на льду, а не она.

Мне ещё на третий год сёстры запретили ступать на лёд этого озера, потому что оно никогда не промерзает достаточно, чтобы выдержать вес человека. Однако Анне этого либо не сказали, либо она пропустила предостережение мимо ушей. Я молюсь про себя, чтобы лёд выдержал мою худенькую сестру.

Я вся вздрагиваю, когда она поднимается и вновь падает, приземляясь на попу, скользит ещё дальше от берега и от меня. Сестра смеётся.

— Анна, иди ко мне, пожалуйста, — повторяю я, стараясь придать голосу беззаботности, чтобы её не пугать. Если я сама ступлю на лёд, он точно треснет.

— Тут скользит как-то хуже, — недовольно бормочет она, делает несколько шагов ко мне, и мы обе слышим треск.

Анна смотрит под ноги, видя, как змеятся трещины. По-глупому наклоняет голову, делает очередной шаг, но уже аккуратный, медленный. Новый треск почти оглушает. А у меня сердце бьётся в горле от страха в глазах сестры, когда она вскидывает на меня взгляд, а её нижняя губа начинает дрожать. Я быстро сбрасываю свой тёплый плащ, оставаясь в лёгком кафтане.

— Анна... беги ко мне. — Я пытаюсь кричать, но голос подводит, и я рада, что выдавила хотя бы это достаточно громко, чтобы сестра услышала.

И она устремляется вперёд, но Анна особенно неуклюжа, когда боится. Ей удаётся сделать три шага, и лёд трещит, расплзается, огромные куски кренятся, а потревоженная тёмная вода выплёскивается на поверхность, и Анна поскользывается. Я не жду, а устремляюсь ей навстречу, лавируя между трещинами, перескакивая их.

Анна с визгом падает в тёмную воду первой, исчезает сразу с головой, а я падаю вслед за ней,

совсем близко. Из горла вырывается хрип, когда всё тело пронзает холод, но здесь не так глубоко, вода доходит мне до шеи. Замечаю накидку сестры, хватаюсь, вытягивая её голову на поверхность. Анна громко плачет, выплёвывает попавшую в рот воду, стучит зубами, бьёт по воде единственной подвижной рукой — остальное тело явно онемело.

Холод от воды такой, что мне кажется, словно меня режет тысяча ножей. Мой ужас так велик, что я едва осознаю, как переставляю ноги, таща сестру за собой на берег. Почти выбрасываю её тело на твёрдую поверхность, а сама выползаю на четвереньках.

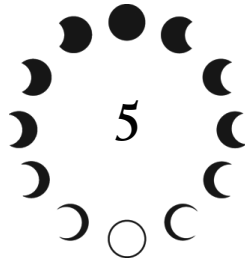
Пальцы едва слушаются, пока я стаскиваю с Анны верхнюю одежду, кутаю в единственное, что осталось сухим, — свою накидку. Она стучит зубами и вся дрожит, но при этом продолжает заунывно рыдать, пережив шок. Я не могу её успокоить, потому что мои зубы тоже стучат, и я трясусь не меньше её. А страх, что я чуть не потеряла сестру, душит не хуже верёвки на шее.

Ирина учит меня, что всегда нужно действовать, нельзя поддаваться страху, что я и пытаюсь сейчас делать. Пытаюсь изо всех возможных сил.

— Аа... ннна... обхх... вати за ше... ю.

Вскидываю сестру себе на спину, пытаюсь идти к храму, но ноги не слушаются, подламываются в коленях, и каждый раз их пронзает боль. Анна делает что велено, цепляется за меня, почти душит.

Мне удаётся пройти пять минут, пока каждый вдох не начинает вырываться с хрипом. Мне слишком холодно, пальцы едва удерживают сестру, но нам навстречу бежит Ирина, и я начинаю плакать едва ли не громче, чем Анна. Падаю на колени в мягкий снег, когда наставница широкими шагами преодолевает расстояние между нами.

Ярат. Столица Аракена.
Прошло много лет, и местность этой страны изменилась. Ориентируясь на свои воспоминания, я понимаю, что мы движемся с юга на север. По пути замечаю несколько новых деревень, какие-то дороги стали шире, линии лесов изменились, а что-то и вовсе пропало. Некоторые места, которые мы проезжаем, я узнаю, другие нет. Но я рада, что хотя бы Аракен всё ещё существует и столица у него всё та же. Хотя при жизни я бывала там лишь два раза: когда Мар позвали на коронацию нового короля и когда завелась нечисть в ближайшем лесу.

Мы, Мары, не принадлежим ни одной из стран и не подчиняемся правителям. Лес, где расположен храм Мораны, считается исключительно нашей территорией и находится прямо на границе двух государств: Аракена и Серата. На западе страны омывает океан, а на востоке путь в глубь континента перекрывает высокая горная гряда. Никто туда не

ходит за ненужностью, и никто никогда оттуда не приходит. Возможно, там земля кончается, и больше ничего нет, а может, там просто никто не живёт.

Марам было не важно, кто просил помощи. Звали нас сератианцы или аракенцы, мы шли помогать и тем, и другим, если у них возникали трудности. Я рада, что именно принц Аракена поднял меня. Если бы я очнулась, а передо мной появился наследник Серата, я бы свернула ему шею, не дослушав и первую фразу.

— Принц Даниил, — обращаюсь я к молодому человеку после нескольких часов дороги, подъезжая поближе на своём белом коне, — почему вас так интересуют Мары?

— С чего бы начать? — растягивает слова принц, скрывая улыбку оттого, что я впервые заговорила с ним по собственной воле. — Наверное, с того, что моя мама умерла рано. Всего через пять лет после рождения моей младшей сестры. Король... то есть отец, не обладает большими способностями в воспитании, и всё детство я провёл с нянями, сестрой и старшим братом Николаем. Вот он любил читать нам на ночь рассказы о Марах и Мороках.

— Сомнительный выбор сказок для маленьких детей, — отвечаю я.

— И то верно. Так скажет любой взрослый человек. Но у нас выбор был между вами и лешими.

— А что не так с лешими? — с удивлением поворачиваюсь я.

— Спросишь тоже, Агата! Они же жуткие твари!

— Конечно, некоторые из них выглядят странно с черепами вместо лица, но сами они почти безобидные! — возражаю я.

— Ты называешь этих громил безобидными?! — широко раскрытыми глазами смотрит на меня Даниил. — Я слышал, они чаще всего ростом от двух до трёх метров, у них рога как ветки, а глаза светятся красным.

— Про глаза глупая небылица! — отмахиваюсь я. — Чаще у них глаз вообще нет, просто голый череп животного.

— Ещё лучше! Пустые глазницы черепа куда менее пугающи, чем красные глаза! — иронично поддевает принц.

Я замираю и тихо смеюсь впервые за всё время. Эти звуки кажутся мне забытыми, непривычными, и, наверное, поэтому мой смех звучит натянуто, во все не так красиво, как раньше, при жизни.

А ведь он прав. Я привыкла с детства изучать их, зная, что лешие просто духи леса, защищающие животных и природу, и перестала замечать, что для обычных людей их вид может быть жутковатым.

— Что ж, ваша правда, — в итоге сдаюсь я. — Возможно, их вид немного устрашающий.

— Немного?! — откликается принц, но его губы растягиваются в улыбке, когда я вновь смеюсь. — Раз мы пришли к единому мнению о леших, я продолжу.

Я киваю, ожидая рассказ.

— Моей сестре было всё равно, что слушать. Для неё все подобные истории как страшилки. Я же, как